

очутились у безконечнаго ряда всевозможныхъ построекъ княжескаго двора. Миновавъ, затѣмъ, нѣсколько воротъ мы были встрѣчены чисто по-китайски старшимъ сыномъ управителя Алаша и его свитой и всей компаніей, нѣшкомъ, прослѣдовали до покоевъ вана. По дорогѣ изъ оконъ на насъ смотрѣло много женскихъ глазъ нарядно одѣтыхъ манчжурокъ; нѣкоторыя изъ нихъ открыто стояли при входѣ въ фанзы и въ полголоса дѣлали замѣчанія. Наконецъ показался и цинъ-ванъ, изысканно-вѣжливо поздоровавшійся съ нами и пригласившій насъ къ себѣ въ кабинетъ.

Управитель Алаша являлъ собою представительнаго, здороваго, хотя и съ нѣкоторою блѣдностью въ лицѣ, китайскаго чиновника,

Ковровый чепракъ (слѣва).

умѣвшаго держать себя съ должнымъ достоинствомъ. Ванъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что видитъ меня второй разъ и уже въ роли руководителя экспедиціи или амбана. Впервые съ цинъ-ваномъ я познакомился восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, еще будучи юношей, участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Н. М. Пржевальскаго, о которомъ алаша-ванъ много разъ вспоминалъ съ самой лучшей стороны. Нѣсколько портретовъ великаго путешественника украшало стѣну кабинета на ряду съ другими семейными или фамилными фотографіями князя. Подобно сининскимъ чиновникамъ алаша-ванъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, внимательно выслу-